

ХРУЩЕВ, БРЕЖНЕВ, Я.

Кирилл БУТНЕВ

— Скажите, Иосиф Давыдович, а вашей «малой родине» вы по-прежнему считаете Донбасс?

— Моей родиной была и остается Украина, Донбасс. Конечно, я не могу говорить без благодарности о России, которая дала мне второе образование, вывела меня на сцену... Но все-таки... Мне интересно было проверить себя, когда говорили: «Ты еврей, и твоя историческая родина — Израиль». И вот, когда я первый раз летел в Израиль в 1983 году, мне самому было интересно, что же я испытаю, сойдя на эту историческую Родину. И я поймал себя на том, что не было такого волнения, которое я всегда испытываю, когда прилетаю на Украину. Особенно в родные города Донбасса, ведь я почетный гражданин тринадцати украинских городов. Для меня родные и маленькие шахтерские городки — такие, как Горловка или Артемовск, ну и большие города — Мариуполь, Славянск, Краматорск. Родился же я в городе Часов Яр под Артемовском. Мы земляки с известным композитором Женей Мартыновым, он тоже там родился. Меня спрашивают, чем объяснить, почему я так восторженно говорю всегда о родной земле. И я тоже пытаюсь себя спросить, почему это так: ведь с Донбасса я уехал совсем ребенком, в 1950 году, когда семья переехала в Днепропетровск. В этом городе я окончил горный техникум. Потом меня призвали на службу в армию, а по окончании службы я уехал в Москву учиться. И остался здесь уже навсегда. И теперь Москва для меня святая земля, потому что здесь упокоилась моя матушка. Самое мощное и целебное землячество в Москве — донецкое. Из Донбасса вышли Брежнев, Хрущев, Подгорный, Засядько, Бубка. Донецкие девушки — самые красивые. В донецких краях намного меньше алкоголизма, наркомании и проституции, потому что молодежь почти полностью востребована.

— Вы после той страшной болезни, которая с вами случилась, занимаетесь спортом?

— Иногда с сыном мы выясняем отношения, и я говорю ему, чтобы он занимался спортом: потом пойду болеть, и время, и интерес к спорту будут упущены. Я всегда возмущаюсь, когда мои коллеги врут журналистам, что с утра они обливаются холодной водой, делают всякие физические упражнения. Может быть, кто-то и впрямь следит за своим здоровьем, но большинство, как мне кажется, только мечтают об этом. Когда-то я действительно заложил фундамент своего здоровья, много времени отдавал спорту. Когда был студентом Музыкального Института имени Гнесиных, то в общежитии мы по очереди с друзьями «лежурлили»: кто жарил картошку, а кто занимался спортом. На следующий день менялись местами. Я никогда не болел и не знаю, что такое болеть. Зимой не ношу шапку, хотя ненавижу холод, ненавижу зиму и всегда сопротивляюсь ей. И еще: я сам себе помогаю, во мне сильная генетика. Вот почему я выкарабкался. Конечно, чудо совершили врачи, но такое же чудо совершила и моя жена, которая буквально верховодила ими. Врачи говорили ей, что мне по всем показателям уже нельзя было помочь, что я ухожу из жизни. Но ведь Нелли не врач, и она не понимала, как близка была моя смерть. Поэтому врачи ее «успокаивали»: «Ну что же, жизнь есть жизнь, надо готовиться к худшему». А потом, когда ей показалось, что в этой клинике меня не спасут, она сумела перевести меня к другим врачам. Конечно, это выглядит обидным, ведь госпиталь Вишневого, где я лежал, прекрасный госпиталь, там мои друзья, замечательные врачи. Но по совету Ирэн Федоровой, супруги Святослава Николаевича, не

Я.

Он говорит о себе:
«Я неудобный человек. Я независимый депутат. Меня невозможно ангажировать». Когда-то сказал, что сольных концертов давать не будет, но сегодня, в день своего 65-летия, сделает исключение — даст «сольник» в зале «Россия».

МЫ ВСЕ ИЗ ДОНБАССА

видя явной позитивной динамики, Нелли перевезла меня в клинику Бурленко. На всякий случай она сумела зарядить два самолета: один в Швейцарию, другой в Германию. Мера, быть может, экстраординарная, но, возможно, и необходимая. Но в новой клинике меня спасли. Мои врачи стали моими друзьями: Леонид Михайлович Рощаль, Александр Николаевич Коновалов...

Моя жена очень мужественный человек. Конечно, она видит во мне сильного мужчину и понимает, почему я расстался с прежней

иногда слушаю, как Наташа разговаривает с матерью, мне, скажем, не нравится ее тон, и я выскакиваю из другой комнаты и говорю: «Наташа, как ты разговариваешь с мамой?» Дочь говорит: «А что она...» Я говорю: «Что значит «она»? Это ведь твоя мама». И тогда Наташа вдруг примирительно заявляет: «Не вмешивайся. Мы с мамой разберемся сами».

Мне нельзя пить. У меня просто на алкоголь аллергия. Но иногда не выдерживаю — да пропади все пропадом — и выпиваю свой стакан, и пошло-поехало — аллергия. Надо вызывать врача. И Нелли, уже уставшая от похожих ситуаций, обидно бросает: «Ну зачем же ты так, сам знаешь, что пить тебя нельзя». И мрачно добавляет: «Еще раз выпьешь, я врачей вызывать не буду». Я понимаю, что это она от отчаяния: куда она денется? Она ведь очень надежный человек.

От обидного сепсиса погибают 85% больных. Иосиф Давыдович выжил. «Был смешной эпизод: чтобы проверить, не поехала ли у меня крыша, прислали психотерапевта. Дескать, сообразайте, что-нибудь или нет, не потеряли ли мой интеллект. Когда ночью я оставался один, я сам себя проверял, самое страшное было ни физические страдания, а вероятность потерять интеллект, память, забыть песни. И я лихорадочно повторял все тексты, а их — сотни. Когда же приходила психотерапевт, она заигрывала со мной, как с ребенком: «Больной, посмотрите на мой пальчик», а я говорил: «Что это с вами?» Она спрашивает: «Как вы себя чувствуете?» Я говорю: «Мы себя чувствуем хреново, а вы?» Она в ответ: «Хреново? Ну, значит, все в порядке». Так я понял, что поправляюсь».

— Вы сентиментальны?

— Не поверите, смотрю индийские фильмы и слезы лью. Случилась беда с Америкой, а у меня День рождения как раз 11 сентября, и мы готовились принять друзей. Я тогда только что вышел из больницы. Мне хотелось тишины и покоя среди близких. Мы сели с Нелли вдвоем на кухне, и вдруг этот страшный прямой репортаж из Нью-Йорка. И я заплакал прямо навзрыд. Мы с Нелли абсолютно нормальные люди, как и все. Когда кого-то или что-то нам жалко, мы не стесняемся своих слез.

— У вас были проблемы с американской бюрократией? Неужели и сейчас вас не пускают в Америку?

— Да, и сейчас. На моей визе клеймо: «Только в составе делегации». И я подумал: «О, господи!» Я не репрессированный человек, и осуждать меня имеет право только моя страна, где живут мои дети и внуки, где меня хорошо знают. Кто такие американцы? С какой стати они могут мне указывать — ходить вправо или влево?

В 1996 году меня и мою жену

Иосиф КОБЗОН: Обо мне говорят: державный, кремлевский. А я просто Отечество люблю

арестовали в Тель-Авивском аэропорту, то есть меня арестовали евреи в Израиле. В это же время открывался Всемирный еврейский конгресс, на котором верховодил Гусинский, и там для меня собрали пресс-конференцию. И я журналистам наговорил всякие грубости о том, как же в свободной стране могут лишиться свободы какие-то «второсортные» люди. За мое освобождение хлопотал посол России в Израиле Бовин, многие другие персоны. Я сел в самолет и улетел в Москву. Кстати, на Рождество. И попал, как говорится, с корабля на бал в зал «Россия», где Аркадий Арканов вел рождественское торжество.

В зале присутствовал святейший патриарх, президент Ельцин, мэр Лужков, и при них Арканов весьма удачно состроил: «Срочно! Сообщение ТАСС! В связи с тем, что народного артиста СССР Иосифа Кобзона арестовали в Израиле и не пус-

державный, кремлевский. Да, если я пою: «Что такое мы» на стихи Рождественского или «Можно убить меня, а нас убить невозможно», то это значит, что я люблю свое Отечество. Я люблю его и тогда, когда пою военные песни или гражданско-патриотические. Но когда мне нужно было ответить президенту Ельцину, то я спел «Пьяного куче-

Гонения на Кобзона начались в 1994 году, когда противостояние между президентской администрацией и правительством Москвы было особенно острым. Тогда в одной из газет появилась статья «Падает снег»: Иосиф Кобзон был назван в ней царем русской мафии, близким к мэру столицы. Мельница завертелась. Кобзона объявили торговцем оружием, алкоголем и наркотиками. Даже Госдуме дважды обращалась к президенту, требуя защитить честь и достоинство Иосифа Кобзона, кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством». Ответа до сих пор нет.

ра» на стихи Лёни Дербенева, царство ему небесное. Я пел эту песню с ансамблем песни и пляски внутренних войск МВД в зале «Россия». И зал встал. Я был прав.

— Может быть, напоете?

— Что ж, с удовольствием:

Темных туч хорювод

над дорогой осенью,

Наша тройка летит,

поднимая бурьян,

Ну зачем, ну зачем

сели мы в эту бричку,

Мы же видели ясно,

что кучер был пьян.

То ли вороны над нами,

то ли тучи,

На душе темно,

а ночь еще темней,

А над кручей, а над кручей,

а над кручей

Пьяный кучер гонит

взмывленных коней.

И кого обвинять нам, и слабым,

и грешным,

Что с обрыва вот-вот

палетим под уклон,

Что мордатый мужик,

от вина одуревший,

Нашу жизнь, не спросив нас,

поставил на кон.

Что ж простимся, господа,

на всякий случай,

Знать до одури напился дуралей.

Пьяный кучер, пьяный кучер,

пьяный кучер

Гонит, гонит, гонит

взмывленных коней.

Вот такая песня, мне надо было ее спеть, и я спел, потому что это тоже патриотическая песня. Нам не нужен пьяный президент. Нам не нужен президент, над которым смеется весь мир, потому что, смеясь над ним, смеются над нами. Раньше боялись — государство-монстр, Советский Союз, огромная держава

Наш любимый и единственный (с певицей Ириной Грибулиной)

тили туда как нового русского, ТАСС уполномочен заявить, что Россия его не примет как старого еврея». Такая вот «смешная» история.

Как же нашему гражданину любить свою родину, если унизили его достоинство, оскорбили? И никто тебя не защитит. Кому жаловаться? Это еще я могу послать запрос в Думу, в МИД, в правительство, а как быть простому гражданину? Так вот обо всем этом было прописано в моем законопроекте. Но его не приняли, президент и премьер-министр дали отрицательный отзыв, дескать, все эти проблемы прописаны в конституции. Но ведь ни президент, ни премьер-министр не юристы, а мой законопроект разрабатывали профессионалы. И если бы все это было прописано в конституции, мы бы не тратили время на новый законопроект. Наша конституция несовершенно, она была удобна для Ельцина, но не для молодого Путина, как нового руководителя. Ведь гражданин отвечает перед государством, но и государство должно отвечать перед гражданином. Обо мне говорят, что я такой

— нас боялись и нас уважали, а сейчас не бояться и не уважают.

— А вы не боялись при «живом-то» президенте исполнять эту песню?

— Да, мне сказали что это расстрельная песня: тебе каюк. А я ответил: ну что ж, пусть, тогда хотя бы все будут знать, от кого.

— Иосиф Давыдович, а Александр Коржаков до сих пор не попросил у вас прощения?

— Вы знаете, в одном интервью я сказал, что Коржаков, Рушайло и спецслужбы виноваты в смерти отца четверых детей Отари Квантришвили. Я действительно с Отари дружил. Я знаю, что он возглавлял Фонд защиты спортсменов — тех самых, которыми мы восхищаемся и о которых затем забываем. Отари им помогал. А в последнем своем интервью на телевидении он прошелся по Рушайло и, видимо, подписал свой смертный приговор.

В свое время, когда авторитет Коржакова был непререкаем (он назначал, снимал, одним словом, был вторым лицом в государстве), я хотел с ним поговорить. Когда мы встретились в Думе, Коржаков стоял в компании моих друзей, с которыми я стал здороваться. И я чисто автоматически, поздоровавшись со всеми, протянул руку и ему. Он бросил: «Я вам руки никогда не подам». Я ответил: «Господи, какое счастье, что вы это сообщили в присутствии моих друзей, публично, и это дает мне право даже не смотреть в вашу сторону. А правда, которую я говорю о вас, вам застит глаза. Вам стыдно за эту правду, за все, что вы сделали. Вы теперь не знаете, как себя вести, вы метаетесь. Ну что ж, я буду счастлив этим до конца своих дней».

Мало кто на этом свете решится дать прикурить Иосифу Кобзону

Владимир ГЕРДЮ

ЦРУ, как рассказывает Кобзон, официально объявляло о том, что в пуэрто-риканской гостинице нашли некую «компрометирующую записку». В Пуэрто-Рико в ту поездку я взял с собой жену, сына и дочь. Мы отъехали. И мне позвонил Антонио Кикалишвили, который тоже отдыхал в Майами. Он захотел со мной встретиться, я ему ответил: «Прежрасно, Анзор, здесь великолепная погода, мы с Нелли тебя ждем». И он прилетел. Эту встречу ЦРУ и «возвысило» до сборища преступного синдиката». Из Америки не смог прилететь Япончик — его телефон, записанный в спичечном коробке, изрушили и нашли». Иосиф Кобзон даже обращался в Международный Гаагский трибунал — там ответили: Америка Кобзона не «обвиняет», а «подозревает», и поэтому проблемы неизбежны даже при въезде в европейские страны. Его детям Андрею и Наталье (которая в Штатах училась) теперь тоже нельзя поехать в Америку.